

СОЦИАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА

Статья посвящена анализу социально-практических функций исторического опыта. С целью максимально адекватной экспликации данного феномена автор предлагает особые критерии для типологизации практического функционирования исторического опыта. Первый из названных критериев позволяет в самом общем плане обозначить общественное предназначение исторического опыта. Второй раскрывает конкретные технологии воздействия исторического опыта на общественно-политическую реальность.

Ключевые слова: исторический опыт, социальное управление, историческое сознание, манипулирование сознанием.

Многообразие функций исторического опыта раскрыто в философской и методологической литературе недостаточно полно. Что, надо признаться, неблагоприятно сказывается на выявлении общественной значимости опыта предшествующих поколений. Рассматривая функциональную специфику исторического опыта в указанном плане, мы получаем более ясное представление о его социальном назначении, направлениях его использования и воздействия на общество на различных этапах его истории. Рассуждая о специфике исторической науки, отечественный исследователь Б.Г. Могильницкий справедливо отмечает, что ее социальные функции не являются постоянной и неизменной величиной. По мере развития общества они усложняются и становятся все более многоплановыми, что зависит как от уровня развития исторической науки, осознания ею своей способности выполнять «социальный заказ», так и от уровня развития данного общества. Даже в рамках одного какого-либо периода социального развития функции выражающей его интересы историографии не остаются неизменными, поскольку «...происходит их непрерывное развитие, направленное на наиболее адекватное выполнение возложенного на историю “социального заказа”» [1, с. 190]. Характеризуя социальную отдачу исторических знаний, Б.Г. Могильницкий справедливо отмечает, что в различных конкретных условиях одна и та же функция может играть в жизни общества диаметрально противоположные по своему объективному значению роли. Это особенно четко проявляется на примере реализации воспитательной функции истории [1, с. 190–191].

Вместе с тем нельзя не признать, что социально-практические функции исторической науки имеют определенные инварианты направленности на протяжении всех без исключения исторических эпох. И именно эта инвариантность функциональных характеристик обеспечивает наследование, заимствование, восприятие общественного

* © Тихонов В.А., Гурьянова А.В., 2012

Тихонов Владимир Александрович (Tikhonov-Vladimir@yandex.ru), кафедра философии и истории Самарского государственного архитектурно-строительного университета, 443001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194;

Гурьянова Анна Викторовна (annaguryanov@yandex.ru), кафедра философии и истории Самарского государственного архитектурно-строительного университета, 443001, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 194.

опыта последующими поколениями, применение уроков истории в относительно повторяющихся стадиях развития, в конкретных социально-политических ситуациях, социально-преобразующей или социально-приспособительной деятельности исторических субъектов.

В плане совершенствования всей совокупности социально-практических решений и действий, в плане самой общей характеристики функционирования исторического опыта в мире социально-практической деятельности представляется возможным выделить две его основополагающие функции: *социально-управленческую* и *воспитательно-нравственную*. Социальное управление – это род целесообразной человеческой деятельности, которая неразрывно связана с руководством обществом в целом и его отдельными звеньями, с принятием решений относительно поведения людей и социальных объектов, с осуществлением контроля над исполнением решений. Разумеется, социальное управление не может быть успешным при игнорировании знаний об истинных тенденциях социальной жизни, о прошлых состояниях социальных систем. Оно, стало быть, не может осуществляться без интенсивного использования уроков истории всеми силами, выступающими на социальной арене.

Общеизвестны также воспитательная роль и влияние исторических знаний, уроков прошлого на мировоззренческий кругозор и нравственное развитие личности. Мировоззренческо-идеологическая функция исторического опыта в массовом сознании выражается в углублении и расширении представлений о движущих силах истории, об оптимальных методах решения социально-политических проблем, в формировании определенных идеалов социально-экономического устройства общества, политической его организации. Дж. Элтон в этой связи пишет: «Только непрерывный опыт из первых рук, на основе которого изучается и пишется история, дает возможность передать ее целенаправленно и с вдохновением» [2, р. 143]. «...В истории, – продолжает исследователь, – только опыт (experience) и рефлексия может спасти интеллект от своеобразной переоценки любой проблемы» [2, р. 145].

Исключительно велика роль истории и в нравственном воспитании. «Опыт истории – верный ориентир, которым зачастую пользуются даже бессознательно. Подчас не отдавая себе отчета, человек корректирует свое поведение, руководствуясь примером пережитого, увиденного, услышанного» [3, с. 25]. Современная элита стремится по-своему использовать нравственно-воспитательную сторону исторического сознания, концентрирующего с различной степенью полноты и точности уроки прошлого. Она с предельной интенсивностью манипулирует сознанием широкой общественности, препарировав в соответствии со своими потребностями исторические факты, представления о национальных традициях, устойчивых чертах прошлого и настоящего различных стран и народов. Такого рода приемы вызывают пессимизм в отношении перспектив выхода из мирового кризиса, националистические страсти, недоверие к демократическим методам решения кардинальных общественных проблем. Кроме того, используются и более тонкие, эластичные приемы воспитания народа в выгодном для олигархии духе: практикуется, в частности, опора на крайне консервативные, устаревшие традиции. Подобные приемы обработки исторического, а через него и морального сознания, нравственных чувств и эмоций масс, взятые в совокупности с новейшими техническими средствами передачи информации, обработки общественной психологии, свидетельствуют о необходимости постоянного внимания к изучению методологических аспектов данной проблемы, к общетеоретическому осмыслению наиболее оптимальных, эффективных средств и каналов влияния истории на воспитание населения.

В этом контексте в современных условиях на первый план выдвигаются проблемы формирования стабильных механизмов функционирования нового демократического

образа жизни, устойчивости последнего, его способности противостоять стихийным (в том числе и в нравственном отношении) процессам деформации — как внутренним, так и внешним. Поэтому вполне правомерным является все более повышающийся интерес исторической науки к чертам и механизмам поведения людей в повседневной жизни в прошлом. Как справедливо указывают некоторые наблюдатели, оживление гедонистических тенденций в современной жизни целого ряда стран делает актуальным освещение в массовой литературе сходных ситуаций в прошедших исторических эпохах.

Помимо анализа функций опыта истории в управленческо-воспитательном плане, важной является их классификация по такому критерию, как направленность и мера реального вмешательства субъекта истории в общественный процесс. Последний рассматривается в социально-политическом аспекте, что позволяет, в конечном счете, судить о степени мобилизации и уровне осознанности социальных закономерностей и реалий действительности.

Мы отдаем себе отчет, насколько сложной задачей является проникновение в самую суть механизма и пределы адекватности отражения господствующей элитой социально-исторического бытия и использования на данной основе уроков истории. Поразительно грубые ошибки правящих кругов в XX веке (ярчайшими примерами таких ошибок являются «Мюнхенский сговор» 1938 г, «странная война» 1939–1940 гг., войны в Юго-Восточной Азии, Афганистане, Чечне и т. п.) могут оказаться причиной скепсиса и вполне оправданных сомнений в отношении самой возможности какого-либо использования уроков истории. Тем не менее, неоспоримым является факт, что современная элита определенным образом использовала прошлый политический опыт для поддержания более или менее устойчивых капиталистических порядков, а также в оценке соотношения сил на международной арене. Элита стран современного Запада вполне успешно овладела как многообразными приемами буржуазно-реформистского и социал-реформистского лавирования, политикой частных уступок, заимствования популярных лозунгов оппозиционных сил, так и методами насильственного подавления демократии. Умелое комбинирование указанных выше методов во многих конкретных социально-политических ситуациях свидетельствует о тонком учете тенденций и нюансов текущей социальной жизни, о более или менее своевременном и адекватном заимствовании одной страной опыта других государств.

Впрочем, некоторые черты политико-тактического искусства, а также способность усвоения исторического опыта отчасти проявлялись еще у правящих кругов предшествующих эпох. Вообще, учеба господствующего класса у истории, восприятие им «полезных» уроков прошлого является одним из важнейших условий его самосохранения. Яркий пример тому — философия современного неоконсерватизма, который весьма успешно усвоил и учел уроки прошлого и особенно либерального государственного капитализма рузвельтовского типа [См.: 4, с. 26–34].

На сегодняшний день гораздо более распространенной является другая стратегия, восходящая к либеральному рационализму и определяемая прагматическим пониманием самих феноменов «*опыт истории*» и «*уроки истории*». Именно в русле этой стратегии даются рекомендации, каким образом оптимально использовать власть, те или иные конкретные методы господства и т. п. Так, в Германии неолиберальные историки активно занимаются извлечением уроков из истории фашизма, парламентаризма, становления и развития национальных государств, рабочего движения и реформизма, крушения Веймарской республики. При этом можно наблюдать их стремление модернизировать, усовершенствовать свой методологический инструментарий, преодолеть негативные моменты идеографической традиции, используя методы струк-

турно-функционального анализа, моделирования, практические рекомендации классиков социально-политической мысли XIX века (Л. Штейна, А. Токвиля и др.).

Осторожный в отношении признания прогностических и политико-практических функций исторического знания германский историк Т. Шидер утверждал следующее: хотя историческое познание не может дать непосредственных указаний для политической деятельности, оно «...может дать представление о необходимых общих условиях этой деятельности, открывая исторические горизонты для политического и социального познания» [5, с. 21]. Возможно, именно поэтому в Германии, США и ряде других стран представители исторической науки почти регулярно включаются в состав государственных кабинетов и министерств руководящих органов партий. Следует отметить, что прогностический потенциал своей модернизированной методологии историки пытаются использовать в следующих основных направлениях: 1) в предложениях правящим кругам придерживаться путей социального развития, исторически доказавших свою оптимальность в других странах; 2) в советах относительно поведения, реагирования на неожиданные ситуации.

Использование уроков истории логически связано с вопросом об обязательности познания социальных закономерностей. В литературе, посвященной обсуждению подобной проблематики, не существует единого мнения по данному вопросу. Так, Г.Е. Глезерман отрицал такую обязательность, считая, что вполне возможным является «бессознательное» (так сказать, «на ощупь») использование социального закона. А следовательно, возможна и эмпирическая реализация некоторых требований закона при правильной оценке обстановки [6, с. 181–182]. Эмпирическое использование общественной закономерности осуществляется на основе осмысления лишь некоторых существенных элементов. Проявлениями подобного рода познавательной деятельности можно считать эмпирические школы теории организации и управления, политического манипулирования, «конфликтологии» и т. п. И чем более длителен период нахождения у руля государственной власти той или иной общественной силы, тем, как правило, более богат и эффективен ее опыт использования социальных закономерностей. Удачному эмпирическому использованию некоторых законов социально-политической борьбы, ее тенденций в той или иной мере способствует также и то обстоятельство, что при всей взаимосвязанности сфер социальной жизни и зависимости постбазисных процессов от глубинных объективных экономических законов, каждая из них обладает относительной самостоятельностью, своими специфическими законами.

Можно утверждать, что исторические прецеденты, повторяемость ситуаций постепенно снижают меру страха элиты перед народными движениями. Они совершенствуют навыки по реалистической оценке соотношения выступающих на общественной арене сил, по определению существенных и несущественных факторов обстановки, запрещенных (ввиду их опасности для сохранения системы) «ходов», по выявлению резервов данной системы.

Анализ показывает, что усвоение уроков истории может реализовываться в самых различных масштабах и целевых направлениях воздействия на социально-исторический процесс и, кроме того, на различных уровнях осознанности и обобщенности опыта прошлого и современности. Под этим углом зрения представляется возможным выделить следующие социально-практические функции исторического опыта. Во-первых, это *адаптивная* функция. Она выражается, главным образом, в использовании уроков истории по линии приспособления общественных субъектов к историческим реалиям. Это существенно повышает эластичность и гибкость тех или иных социальных систем, позволяет удерживаться партиям или отдельным ее деятелям на политической сцене.

Как тут не вспомнить, что еще в 1895 г. будущий президент США Вудро Вильсон заявил (и это мнение впоследствии было подхвачено еще более выдающейся фигурой в искусстве социального маневрирования президентом Ф. Рузвельтом), что главным законом общественного развития является «приспособление, тонкое исправление, латанье» [7. с. 320–349]. Процесс приспособления правящих элит Запада к изменяющимся международным условиям, соотношению борющихся общественных сил, идейно-политической и организационно-тактической зрелости своих противников идет в основном двух направлениях: 1) признание и хотя бы внешнее «предоставление права» на существование, нормальное функционирование тех социально-политических феноменов и организаций, которые «чужды системе», но возникают и действуют в данный исторический период; 2) усиление социальной демагогии, ведущейся с помощью широкой рекламы социальных программ и массивных манипуляций общественным мнением.

Еще одной важнейшей социально-практической функцией исторического опыта является функция *формирования* и развития системы *социального контроля*. Понятие «социальный контроль» широко используется современными западными политтехнологами. В наиболее абстрактном виде система социального контроля может квалифицироваться как способ саморегуляции жизни социального организма, обеспечивающий функционирование всех его элементов в рамках определенной урегулированности и порядка. В политическом контексте социальный контроль – неотъемлемый элемент жизнедеятельности правящей элиты, ибо она воспроизводит господствующий тип общественных отношений, социальных институтов и политической организации общества, поддерживает выгодные для данного государства внутренние и международные условия бытия.

Причем уровень и масштабы реального воздействия общественного опыта на ход истории в данном случае гораздо более значительны, нежели в пределах адаптации. В рамках этой функции обществоведы и политики занимаются целенаправленным поиском наиболее действенных средств подчинения народа воле элиты. Так, уже в XVII веке Ф. Бэкон в своем эссе «О смутах и мятежах» выделил весь набор известных его времени средств предотвращения политических бурь. И, пожалуй, именно он впервые в истории европейской мысли наиболее четко сформулировал социально-контролирующую функцию поддержания правящим классом у масс надежды на возможность социального равенства в рамках существующей системы отношений [8, с. 380–384].

Следующей социально-практической функцией исторического опыта является функция содействия *оптимизации* существующего общественно-экономического строя. Решение задач по социальной оптимизации предполагает проведение мероприятий, совершенствующих (в различных направлениях) существующий социально-экономический строй. Эти мероприятия осуществляются в плане приведения его (строя) в более или менее оптимальное соотношение с потребностями исторической эпохи вообще, что нередко может затрагивать и отдельные сущностные компоненты общественной системы. Попытки Септимия Севера, Каракаллы, Диоклетиана преодолеть социально-экономический и политический кризис, охвативший Рим в III в. н. э., – вот лишь некоторые наиболее известные примеры такого рода во времена античности. К ряду подобных попыток оптимизации общественной системы и удержания тем самым экономических и политических преимуществ господствующих кругов можно, думается, отнести и известные «революции сверху» XIX в., реформы 1860-х гг. в России, «белые революции» в странах Азии в XX в., обеспечившие правящему классу «второе дыхание» и в определенной мере обезопасившие его от масштабных революционных потрясений.

Очевидно, что все три рассмотренные выше функции исторического опыта в ряде случаев совпадают по содержанию и тесно переплетаются друг с другом. Дифференцировать же их необходимо в связи с тем, что всеобщий опыт истории, а также собственный опыт тех или иных субъектов политики подвергается в них обобщению и мобилизуется с разной степенью глубины и широты. Так, в частности, адаптация может ограничиваться поверхностными имитациями иных исторических форм, простой «прогрессистской» фразеологией. Социальный контроль, реально и длительно осуществляемый, требует (особенно в условиях развитых социальных организмов) знания сложных механизмов функционирования социально-политической сферы общественной жизни, понимания соотношения политических сил в гораздо более полной и конкретной форме. К тому же его осуществление возможно лишь со стороны реально господствующего класса, в то время как адаптация является элементом деятельности любого агента социального взаимодействия, в том числе и объекта социального контроля. Оптимизация, в свою очередь, сопровождается перестройками существенных компонентов господствующей социальной системы. В данном случае и опыт субъекта, и использование уроков истории (как «по вертикали», так и «по горизонтали») еще более объемны и значимы по своим масштабам. Ведь процесс оптимизации, как правило, содержит гораздо более высокую степень риска, необычности для господствующего класса. Ему также свойственна значительная мера неопределенности результатов инноваций при выборе и реализации альтернатив развития, а также при выборе оптимальной линии поведения в политических ситуациях, складывающихся при реализации установок на оптимизацию.

В завершение следует выделить еще одну социально-практическую роль исторического опыта – функцию *фундамента, основания социальной теории*. В соответствии с этой функцией в отечественной литературе было проведено немало исследований, специально посвященных изучению уроков социальных революций. Однако по-прежнему малоосвещенным остается вопрос о роли исторического опыта в формировании политических взглядов, политического поведения выдающихся деятелей Западной Европы и Америки. В этом смысле «не повезло» даже таким крупномасштабным личностям, как Робеспьер, Марат, Сен-Жюст, Боливар, Кошут, Мадзини, Гарибальди. Между тем данный аспект имеет большое значение при экспликации закономерностей развития тех или иных политических систем, стратегическо-тактического искусства деятелей современной истории.

Подводя некоторые итоги, отметим, что классификация функций опыта истории в социально-практической плоскости может, конечно, проводиться и по иным критериальным линиям (тем более, если рассматривать его значимость в таких относительно самостоятельных сферах общественной жизни, как художественная культура, социальное общение и т. п.). Но в социально-политическом плане богатство исторического опыта и возможности его реального использования оцениваются, в первую очередь, по перечисленным функциональным параметрам. Последние особенно важны в решении социальных задач, в совершенствовании самого искусства общественно-политической борьбы.

Библиографический список

1. Могильницкий Б.Г. О природе исторического познания. Томск, 1978. 232 с.
2. Elton J.R. The practice of history. London, 1967.
3. Гулыга А.В. Эстетика истории. М., 1974. 128 с.
4. Панарин А.С. Стиль «ретро» в идеологии и политике: критические очерки французского неоконсерватизма. М., 1989. 220 с.

5. Шидер Т. Различие между историческим методом и методом социальных наук. М., 1970. 22 с.
6. Глезерман Г.Е. Законы общественного развития: их характер и использование. М., 1979. 303 с.
7. США: политическая мысль и история. М., 1976. 619 с.
8. Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1972. С. 347–486.

*V.A. Tikhonov, A.V. Guryanova**

SOCIO-PRACTICAL CONTEXT OF HISTORICAL EXPERIENCE FUNCTIONING

The paper deals with socio-practical experience functions analysis. Due the explication of named phenomenon the author puts forward special criteria for classification of this experience. The first criterion enables to define in general terms the social goal of historical experience; the second – to reveal concrete technologies related to this experience impact upon the socio-political reality.

Key words: historical experience, social management, historical consciousness, the manipulation of consciousness.

* Tikhonov V.A., Guryanova A.V., 2012

Tikhonov Vladimir Alexandrovich (Tikhonov-Vladimir@yandex.ru), the Dept. of Philosophy and History Samara architectural-building state university, Samara, 443001, Russian Federation.

Guryanova Anna Victorovna (annaguryanov@yandex.ru), the Dept. of Philosophy and History Samara architectural-building state university, Samara, 443001, Russian Federation.